

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

В соавторстве

с Андреем Кружом

**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Цикл «РЕЗОНАНС»

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР
НЕГАТИВ. АТТЕСТАЦИЯ
НЕГАТИВ. ЭСКАЛАЦИЯ
МОСКИТ. МОБИЛИЗАЦИЯ
МОСКИТ. КОНФРОНТАЦИЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

МОСКИТ. КОНФРОНТАЦИЯ

РОМАН

Москва, 2023
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1351

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 **Москит. Конфронтация: Фантастический роман.** —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2023. — 313 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3534-0

На днях тебе исполнится девятнадцать — уже перешел на второй курс, завел девушку, оперируешь сверхэнергией и чертовски близок к пику витка, но теперь все это не имеет равным счетом никакого значения. Теперь ты младший вахмистр республиканского Пограничного корпуса, не более чем песчинка в жерновах войны.

И пусть для подавляющего большинства сограждан эта война лишь локальный приграничный конфликт на задворках республики, когда где-то совсем рядом с неба падают авиабомбы, взрываются дома и горят боевые машины, — очень сложно сохранить веру в то, что все будет хорошо. И многократно сложнее не позволить перемолоть себя и пустить прах по ветру. Придется выжить, хотя бы даже и вопреки всему. Выжить и взять новую высоту!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3534-0

© Корнев П. Н., 2023
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2023

Часть первая

КОНФРОНТАЦИЯ

ГЛАВА 1

Как я оказался там, где оказался? Да все просто: вызвался добровольцем. Возможно, поступил бы так при любом раскладе, ну а в данном конкретном случае решимости придало осознание того простого факта, что хоть как-то повлиять на происходящее я уже не в состоянии.

Ну и какой тогда смысл отдавать инициативу начальству, если все равно вытянут за ушко да на солнышко?

Впрочем, обо всем по порядку.

Начать следует с того, что к общему сбору я безнадежно опоздал. Нет, капитан Городец известие об отзыве бойцов зенитной роты в распоряжение особого отдела пограничного корпуса по Зимску не проигнорировал, но и оперативно отреагировать на него не смог.

— Вызови сюда грузовик, — приказал Георгий Иванович командиру мотогруппы и тут же свое решение переменял: — Нет, оставь человека и скатайся сам. Через диспетчера натуральный глухой телефон получится.

— Будет исполнено!

Старший вахмистр козырнул и забрался в коляску, мотоцикл затарахтел движком и укатил прочь сразу, как только с заднего сиденья соскочил Никита Алтын.

— Поглядывай тут, — бросил ему Городец и встал над изуродованным телом оператора, скособочился, тяжело задыхался. — Знаешь, Петр, — задумчиво произнес он некоторое время спустя, — а ведь этот несознательный гражданин в Эпицентре инициацию прошел. И случилось это, судя по возрасту и огрехам техники, еще до революции.

Я глянул на покойника, переборол накотивший после поворота головы приступ тошноты и спросил:

— Почему именно в Эпицентре?

— А слишком чисто работал, совсем без помех, — пояснил Георгий Иванович. — Ты не чувствовал разве, как нихонский пилот фонил? Это как-то с частотами и колебаниями сверхсилы связано. Не силен в теории, но чем меньше размер источника, тем явственней проявляется несовпадение с Эпицентром.

— Да? — озадачился я. — Первый раз слышу. Но вот насчет пилота согласен — я чуть не перегорел, пока его паковал, хотя энергии в нем не так много было.

— Ну вот, — кивнул Городец. — К тому же этот упырь и негативом был, и в сверхрезонанс сорвался, а лет двадцать назад подобные отклонения куда как чаще встречались. Одно к одному — наш кадр.

Негатив? Ну да, ну да. Именно поэтому выброс энергии в противофазе его конструкцию и не разметал. Впрочем, если это и в самом деле была конструкция. Лично мне ничего такого заметить не удалось, такое впечатление — прямым воздействием давило.

— Думаете, эмигрант? — спросил я, оценив возраст убитого лет в сорок.

— Выясним, — буркнул в ответ капитан.

— А что за сверхрезонанс?

Городец мой вопрос проигнорировал и обратился к Алтыну:

— Ты его хлопнул?

— Никак нет! — отозвался егерь. — Командир стрелял.

Георгий Иванович кивнул, опустил на колени и принялся без малейшего намека на брезгливость обшаривать одежду покойника. Ничего не нашел, только руку в крови перепачкал, досадливо ругнулся и оттер пальцы о траву.

— Карауль, сейчас кого-нибудь на смену пришлю, — решил тогда Городец, глянув на часы, и двинулся через пустырь к проходу меж заборов. — Линь, за мной!

Я нехотя поднялся на ноги, и голова моментально пошла кругом, но равновесия не утратил, постоял немного, отдышался и поспешил за капитаном. На ходу потянул в себя сверхсилу и невольно поморщился из-за болезненных ощущений — такое впечатление, точно под кожу от виска до паха через солнечное сплетение нагревательный элемент вшили; оставалось уповать на то, что перегрузил энергетический канал не слишком сильно.

Впрочем, раньше времени переживать по этому поводу я не стал и лишь мотнул головой да постарался от жжения абстрагироваться. Вроде бы даже успешно.

Наш пулеметчик тоже чувствовал себя не лучшим образом, но, несмотря на бледный вид, бдительности не терял и внимательно поглядывал по сторонам.

— Команда инвалидов! — вполголоса ругнулся Георгий Иванович, уселся на переднее пассажирское сиденье и принялся вызывать по рации офицерское общежитие пограничного корпуса.

Разговор долго не продлился, а там вернулся мотоцикл, следом прикатил грузовик, в котором помимо пулеметного расчета приехали два опера комендатуры. Их-то Городец и отправил сменить караулившего тело егеря, ну а потом полторка взяла вездеход на буксир и потянула его к месту недавней перестрелки. Там нас встретил Евгений Вихрь.

— У нас трое погибших и четверо тяжелораненых, их уже увезли в госпиталь, — отчитался он. — Точное число уничтоженных диверсантов назвать затрудняюсь — большинство тел придется по частям собирать.

— Пиши в безвозвратные и зоопата со сворой, — с тяжелым вздохом произнес Георгий Иванович. — Что-то по нашей части нашлось?

Опер помотал головой.

— В одном из сараев обнаружили схрон с оружием и яму, где держали людей, но пустую.

— Дерьмо! — в сердцах выругался Городец. — И здесь опоздали!

— Начали опрашивать соседей. По их словам, тут артель квартировала...

Георгий Иванович отмахнулся.

— Не сейчас! Суббота со своими людьми уже едет, если нужно что-то подчистить, у тебя четверть часа, не больше.

Евгений Вихрь мигом убежал к разгромленному особняку, а мы дождались возвращения из госпиталя второго нашего грузовика и лишь после этого покатали в расположение пограничного корпуса. Мало того, что прибыли самыми последними, так еще и я не своим ходом приехал. Заместителя ротного при виде вездехода на буксире чуть удар не хватил; так физиономия побагровела — думал, точно откачивать придется.

Но нет, штабс-ротмистр очень быстро очухался и взвыл почище сирены воздушной тревоги:

— Ка-а-ак?!

Уповать на заступничество Василия Архиповича не пришлось по той простой причине, что его на плацу не было, вот и выслушал много всякого разного о своих умственных способностях. Опыт службы на Кордоне помог смолчать, ну а когда Наум Исток выдохся и потребовал объяснений, я без запинки выдал:

— Вчера приказом по роте я с легковым транспортным средством повышенной проходимости был придан оперативной группе под руководством лейтенанта Вихря. Сегодня в результате розыскных мероприятий опергруппой было выявлено место дислокации диверсионно-разведывательной группы противника, в ходе боевого столкновения автомобиль попал под обстрел, что привело к ранениям ефрейтора Головни и сотрудника республиканского идеологического комиссариата Коросты, а также повреждению радиатора...

Дальше я намеревался упомянуть о необходимости проведения диагностики для составления полного списка поврежденных агрегатов, но заместитель ротного взорвался раньше.

— Умолкни! — рявкнул он.

— Так точно, господин штабс-ротмистр!

Наум Исток тяжело задышал, затем взмахом руки подозвал командира первого взвода.

— Мельник, подойди! — А когда Вениамин приблизился, штабс-ротмистр спросил у него: — У тебя водителей нехватка, так? Вот и забирай этого... себе. Пока еще вездеход починят!

Тогда-то у меня и зародилось подозрение, что судьба в очередной раз подсунула жребий не из лучших. Сам не знаю, почему такая догадка в голове промелькнула, но долго ждать ее подтверждения не пришлось.

— Грузовиком управлять учили? — спросил Мельник, когда заместитель ротного отошел.

— Так точно, — подтвердил я без всякой охоты.

— Отлично! Пошли!

Полуторка оказалась той самой, что пострадала от близких разрывов авиабомб на привокзальной площади. Пробитые крышки уже заменили и обновили доски правого борта, а вот в дверце кабины так и зияло несколько оставленных осколками дыр с рваными краями, кое-как загнутыми обратно.

— Нам крепко досталось, — со вздохом признал Вениамин Мельник. — И среди людей потери есть, и в технике. Три взво-

да в два переформировали. Но временно, конечно — и раненые в строй вернутся, и пополнение должны прислать.

— А комиссар где? — поинтересовался я. — Все же к нему приписан. Проблем не будет?

Взводный покачал головой.

— Личный транспорт только ротному оставили. Остальные вездеходы машинами связи будут. Из-за чего, думаешь...

Фраза осталась недосказанной по причине прозвучавшей команды строиться. Не могу сказать, будто личный состав зенитной роты так уж сильно поредел, но и совсем без потерь, увы, не обошлось, присутствовали в строю и бойцы с повязками.

Слово взял ротный. Сначала он вкратце изложил то, что я и без того уже знал от Василя и Георгия Ивановича, затем перешел к делу:

— Сегодня на рассвете джунгарские войска вторглись на территорию республики. Наши заставы уничтожены, уцелевшие бойцы пограничного корпуса отступают к населенному пункту Белый Камень. Туда уже выдвигается армейское подкрепление, нам приказано обеспечить защиту сборных частей от воздушных налетов. Для этих целей будет задействован взвод под командованием корнета Мельника, в состав которого войдут наиболее опытные бойцы и добровольцы.

Я глянул на кислую физиономию штабс-ротмистра Истока и решил, что непременно окажусь достаточно опытным для отправки на передовую. А раз так, то имеет смысл проявить гражданскую позицию и вызваться добровольцем. Лучше бы, конечно, перед тем с Василием Архиповичем переговорить, только в упор его не вижу...

С комиссаром удалось перекинуться парой слов лишь перед самым отбытием в Белый Камень. К этому времени я сдал перерубленный автомат в оружейку и получил взамен него новенький, еще в оружейной смазке, с двойным боекомплектом в двести сорок патронов. Дополнительно выдали сухой паек, а только распахнул пожитки по кабине грузовика, появился Василий Архипович, который мало того, что оказался обряжен в полевую форму, так еще и вещмешок на плече тащил.

— А ты чего здесь? — удивился комиссар, заметив меня. — Я без машины выдвигаюсь.

Я не стал вдаваться в детали, просто сказал:

— Добровольцем вызвался, буду баранку грузовика крутить.

Василий Архипович одобрительно похлопал меня по плечу.

— И правильно сделал, что инициативу проявил! Молодец, верно мыслишь. Инициатива в таких делах крайне высоко ценится. И боевой опыт точно лишним не будет. Хвалю!

У меня после таких слов от сердца немного даже отлегло. Умом-то понимал, что решение принял верное, но страшновато было и маотно, а тут отпустило.

Комиссар направился к Вениамину Мельнику, проверявшему перед выездом выделенную взводу технику, я подумал-подумал и двинулся следом, но послушать, о чем взялись толковать взводный и комиссар, помешала команда строиться. Вот на построении и выяснилось, что в Белый Камень отправится еще и разведвзвод, а командовать подразделением будет непосредственно Василий Архипович.

Неожиданные изменения изрядно удивили, но обсудить их оказалось не с кем, поскольку никого из своих нынешних сослуживцев я не знал даже шапочно. Все они прежде проходили службу в ОНКОР, студентов и аспирантов оставили в Зимске.

— По машинам! — дал отмашку Василий Архипович, ну и побежали.

За крупнокалиберный пулемет в кузове грузовика отвечали унтер-офицер и ефрейтор, расчетом взятого на прицеп зенитного орудия командовал старший вахмистр, а в кабину ко мне забрался единственный офицер в составе зенитного взвода — молодой светловолосый прапорщик с песочного цвета усами. Чиниться он не стал и сразу протянул узкую жесткую ладонь.

— Глеб Аспид.

— Петр Линь, — представился я, отвечая на рукопожатие.

— Сам откуда?

— В авточасти на Кордоне служил, — отделался я полуправдой.

Прапорщик кивнул и уточнил:

— Ты ведь комиссара возил?

— Ага, — подтвердил я. — День. А потом всех подряд возил, пока в городе под обстрел не попали.

— Да уж... Нужно было серьезно проштрафиться, чтоб в капитанском звании на полуроту поставили... — многозначительно заметил Аспид.

— Не разжаловали же? — хмыкнул я. — Да, по идее, он и сам мог на передовую попроситься.

Тут командирский вездеход тронулся с места, следом пока- тил второй, за ними пристроился последний из приданных взводу — с красными крестами медицинской службы. Затем выдвинулись разведчики, и только после этого пришел черед четырех грузовиков со спаренными пулеметами в кузовах.

К трем машинам прицепили колесные лафеты зенитных орудий, и лично я с превеликой охотой взялся бы управлять грузовиком без прицепа, но не свезло. И вроде учили в авто- части на совесть, но было это полгода назад, вот и начал наби- рать ход неповоротливый автомобиль как-то очень уж неохот- но. Движок надсадно порывивал, и разговор увял сам собой. Прапорщику не хотелось драть глотку, ну а мне и вовсе было не до того. Пока крутились меж пакгаузов железнодорожной станции, натуральным образом взмок.

Но потом не иначе кто-то наверху внял моим безмолвным мольбам, и автоколонна не повернула к выезду в город, а вме- сто этого головной автомобиль остановился рядом с грузовым составом на запасных путях. Комиссар перекинулся парой слов с вахмистром-железнодорожником и поручил прапорщи- ку Аспиду контролировать погрузку транспорта на платфор- мы.

Первым на торцевую аппарель заехал командирский везде- ход, за ним последовала машина с красными крестами. Вот то- гда-то я и облизнул пересохшие губы. Габаритов автомобиля я пока что попросту не чувствовал, да и слушался тот руля дале- ко не лучшим образом. Как бы чего не вышло...

— Ну ты чего? — заскочил на подножку прапорщик Ас- пид. — Уснул?

— Так это... — замялся я. — С грузовиками давно дел не имел. Может, подменит кто поопытней?

Прапорщик глаза закатил.

— А я на что? Двигай! Удержу, если что!

Тут я себя едва по лбу ладонью не хватил. Ну конечно! А сверхспособности мне на что?

— Да и сам удержу так-то, — буркнул я, направляя грузовик на аппарель.

Самоуверенность сыграла злую шутку — на середине подь- ема неповоротливый автомобиль повело в сторону, я спешно отпустил педаль газа, и движок заглох. Ладно хоть удалось се- рией слившихся в единое целое кинетических импульсов за- гнать тяжелую машину на платформу, никто ничего и не заме- тил вовсе.

— Снаряды привезли, помощи погрузить, — распорядился прапорщик, направляясь к следующему автомобилю.

Я смахнул выступивший на лбу пот и принялся наравне с остальными таскать выкрашенные зеленой краской деревянные ящики. Пока управились, уже и железнодорожники закончили машины закреплять, тогда Вениамин Мельник провёл переключку личного состава и распределил бойцов по местам. Пару минут спустя раздался длинный паровозный гудок, платформа под ногами дрогнула, и состав начал набирать ход.

— Не подскажите, много своим ходом потом ехать придется? — поинтересовался я у прапорщика.

— Не! — мотнул тот головой. — Железная дорога аккурат до Белого Камня проложена. Тут сто километров по прямой на юг, уже часа через три на месте будем. — Он помолчал и как-то неуверенно добавил: — Наверное...

— Сто километров? — задумался я. — Получается, Белый Камень на полпути к границе?

— Примерно, — подтвердил Аспид и пояснил: — Там перевал, все дороги сходятся. Никак стороной не обойти.

Он распахнул дверцу и, встав на подножку, высунулся из кабины. Все зенитные орудия приводились из походного положения в боевое, заряжающие вталкивали снаряды в кассеты, командиры расчетов изучали подернутое перьевыми облачками небо в бинокли.

Я приложился к фляжке с водой, сделал несколько глотков и завинтил крышку. Кварталы Зимска один за другим проплывали мимо, минут через десять состав покинул пределы города и ускорил ход. Стало как-то очень уж неудобно, отчасти даже — страшно.

Я все сделал правильно, знал это наверняка, но от одной только мысли о скором прибытии на фронт начинали трястись поджилки. Это лишь в мечтах здорово на войне очутиться, а на деле не думаешь о том, как бы себя в бою с лучшей стороны проявить и врагам кузькину мать показать, а неизвестностью терзаешься.

Какая там сейчас обстановка? Что меня ждет?

Нет ответа.

Впрочем, впадать в уныние по этому поводу я не стал, вычистил оружие и погрузился в поверхностный медитативный транс. Восполнил растроченный потенциал, заодно и энергетические каналы попытался расслабить. Так увлекся, что даже вздрогнул, когда за плечо потрясли.

— Уснул, что ли? Во даешь! — удивился потревоживший меня командир зенитного расчета. — Идем, комиссар операторов собирает.

Я выскользнул из кабины и вслед за старшим вахмистром поспешил по слегка раскачивавшимся под ногами платформам в начало состава.

Совещание комиссар проводил в выделенном нашему взводу вагоне, из четырех десятков человек личного состава операторов набралось с дюжину, да еще подошел врач в полевой форме с погонами корнета, и явилась большая часть разведчиков во главе с командовавшим ими поручиком.

— По оперативной обстановке ничего нового не скажу, — сразу предупредил Василий Архипович. — На текущий момент противник в окрестностях Белого Камня не замечен, фиксируются единичные случаи обстрелов наших подразделений с воздуха.

— Много там армейцев? — поинтересовался командир разведвзвода.

— Пока успели перебросить пехотный батальон, им в усиление придали полуэскадрон и пластунов из приграничного люда, да еще какую-то сборную солянку из местных ополченцев сформировали. Плюс насобирали три взвода броневигов. С артиллерией дела обстоят не лучше.

— А что насчет танков?

— Будут. Но когда и сколько — нет информации, — ответил комиссар, не став приукрашивать ситуацию.

Корнет-медик прочистил горло и спросил:

— А что, собственно, происходит? Это война? И с кем именно: с Джунгарией или Нихоном?

Василий Архипович скривился так, будто лимон откусил.

— Приказано считать происходящее пограничным конфликтом. На текущий момент нихонцы лишь прикрывают отряды ханства с воздуха, информации о вторжении их наземных сил, за исключением отдельных диверсионных подразделений, у нас нет. И едва ли оно последует, слишком серьезными окажутся в этом случае последствия. А джунгары... Джунгары даже не разменная монета, просто пушечное мясо.

— Но должны же быть для нападения какие-то основания! — продолжил упорствовать медик. — Они объявили нам войну?

Комиссар посмотрел на Вениамина Мельника, вздохнул и кивнул. Корнету большего и не потребовалось.

— Все это отлично спланированная провокация! — заявил он, поднимаясь на ноги. — Вчера на экстренном заседании Лиги Наций было принято решение о передаче под международный контроль всех источники сверхэнергии.

Глеб Аспид удивленно присвистнул.

— И даже айлийского?

— И даже айлийского, — подтвердил Мельник, презрительно скривился и продолжил: — Но дьявол кроется в деталях! В постановлении говорится о том, что контроль над источниками будет устанавливаться в порядке убывания их интенсивности. Первой на уступки обязана пойти республика!

Возмущению собравшихся не было предела, Василию Архиповичу даже пришлось наводить порядок.

— Формально Джунгария действует во исполнение решения Лиги Наций, пусть даже и не уполномочена на то мандатом. А поскольку нихонские империалисты заключили договор об оказании военной помощи марионеточному режиму ханства, они не выступают самостоятельной стороной конфликта. Войну они нам не объявляли. Боюсь, и мы им не объявим. Приграничный конфликт, и точка!

Комиссар дал собравшимся выпустить пар, после похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

— Наивно полагать, будто самураи ограничатся поставками оружия, отправкой военных советников и поддержкой джунгарских войск с воздуха! На территории республики уже действуют диверсионные подразделения. Вдвойне опасными их делает способность к управлению сверхэнергией. Корнет...

И вновь слово взял Вениамин Мельник.

— В Зимске наши подразделения подверглись нападению так называемых шиноби. — Для собравшихся это название было пустым звуком, и аспирант был вынужден пуститься в исторический экскурс: — Не являясь специалистом по Стране восходящего солнца, могу сказать лишь, что в древности там так именовались кланы профессиональных лазутчиков и убийц. Нынешние подразделения к прежним кланам не имеют никакого отношения, они были воссозданы уже после оккупации Джунго и захвата источника сверхэнергии. Все нынешние шиноби прошли инициацию, все они мастера рукопашного боя и опытные фехтовальщики. В качестве операторов они ничего собой не представляют и упор делают на маскировку с помощью оптических иллюзий, незаметное проникновение в рас-

положение противника, уничтожение командиров и вывод из строя техники.

Медик озадаченно поскреб лоб и спросил:

— И что же — просто бегают с мечами? В двадцатом веке?

— Именно так, — подтвердил Василий Архипович и обратился ко мне: — Вахмистр Линь, есть что добавить по существу?

Неожиданно для себя я оказался в центре всеобщего внимания, но не стушевался и заявил:

— Насколько знаю, никто из девяти напавших на офицерское общежитие диверсантов не задействовал дистанционных энергетических атак... — Я выжидающе посмотрел на комиссара, а когда тот кивнул в подтверждение моего высказывания, продолжил: — Диверсанты использовали исключительно холодное и метательное оружие, при этом усиливали удары сверхъестественным образом и легко разрушали защитные силовые экраны. Совершенно точно применялась техника закрытой и открытой руки, а один из нападавших оставался на ногах после пяти пулевых ранений в корпус. Что еще? В резонанс они не входили. Насчет мощности ответить затрудняюсь.

— А энергетические искажения? — поинтересовался корнет-медик.

— Минимальные, — ответил я без малейших колебаний. — Потенциал они удерживают незначительный и оперируют, такое впечатление, непосредственно входящим потоком. Для уверенного распознавания создаваемых ими энергетических аномалий с дистанции хотя бы в двадцать метров понадобится либо чрезвычайно высокая чувствительность, либо поисковые воздействия или сигнальные конструкции.

Это заявление никого из сослуживцев не порадовало, и все заговорили наперебой, тогда вновь проявил эрудицию Венямин Мельник.

— Предположительно шиноби задействуют аналог нашей техники двойного вдоха, которая сводит к минимуму искажения энергетического фона при поддержании оптических иллюзий, но не защищает от обнаружения активным поиском.

Командир разведвзвода озадаченно хмыкнул.

— Получается, если макаки действительно хороши в технике заземления, мы их активным поиском не обнаружим, а искажение фона сможем засечь исключительно по вторичным признакам?

— И то если в этот момент они будут использовать оптические иллюзии и схожие техники маскировки вроде звукового экрана, — отметил Мельник.

Дальше он взялся отвечать на вопросы операторов, а я очень плодотворно пообщался с бойцами разведдзвода, которых интересовали исключительно практические аспекты моих столкновений с диверсантами. К тому же почти все они и сами участвовали в отражении атаки на расположение пограничного корпуса, которая предшествовала налету вражеской авиации — нашлось, о чем поговорить.

Василий Архипович обмену опытом не препятствовал и вновь взял слово уже только в самом конце собрания.

— И еще один момент! — поднялся он на ноги, привлекая к себе внимание. — Случиться может всякое, если вдруг отобьетесь от своей части, то при выходе к любым нашим армейским подразделениями надлежит назвать свой учетный номер оператора. Сотрудники комендатур и особых отделов будут обязаны незамедлительно сообщить о вас в Новинск. Циркуляр доведен до всех заинтересованных лиц на местах и обязателен к исполнению на всей территории республики.

На этом он постановил собрание считать закрытым; я воспользовался случаем и справился у Вениамина о технике двойного вдоха, поскольку прежде о такой слышать еще не доводилось.

— На третьем курсе ее проходят, — пояснил Мельник. — Раньше просто смысла нет, она чисто вспомогательную функцию несет: рассеивание сверхсилы в пространстве уменьшает при создании энергетических конструкций. Неструктурированный мусор назад оттягивается, а оператор фильтром выступает.

— И в чем смысл? — озадачился я. — Неструктурированная сверхэнергия и сама по себе рассеивается!

— Недостаточно быстро, если в полную силу работает оператор шестого витка, — возразил Вениамин. — Рано или поздно помехи начинают влиять на стабильность конструкций, а это никуда не годится.

Я припомнил, как трещал воздух от разрядов статического напряжения, когда с другими курсантами упражнялся на силовых установках в училище, и кивнул. И это еще мы — операторы восьмого-девятого витков, у прошедших инициацию на эталонном шестом мощность в разы выше.

— А делать перерывы между подходами в ожидании, пока фоновое излучение в норму придет, чистая потеря времени, — продолжил втолковывать мне аспирант. — К тому же отдельных аудиторий на всех не напасешься, в учебных помещениях сразу по несколько человек занимается, вот и приходится изгаляться. Ну а ближе к концу третьего курса обычно все руку на контроле сверхсилы набивают, и эта техника ненужной становится. Она ведь никакого прироста мощности не дает, только идет... — Он прищелкнул пальцами. — Рециркуляция!

— О как! Есть о чем подумать, — озадачился я и заодно решил прояснить вопрос с жутким стариком. — Слушай, а что такое сверхрезонанс?

Вениамин озадаченно уставился на меня, пришлось пояснить:

— Да услышал тут просто.

— В институте мы этот термин больше не используем, — сказал аспирант после недолгой паузы. — А что такое сверхрезонанс, ты знаешь и сам. Первые подстройки операторов сопровождал? Вступительный инструктаж проходил?

— А-а-а! — протянул я. — Глаза начинают светиться и все такое? Это понятно, но каков принцип?

Вениамин Мельник пожал плечами.

— Отказывают защитные механизмы организма, сверхсила сначала выжигает нервную систему и повреждает мозг, затем разрушается тело, и энергия, высвобождаясь, сметает все вокруг. Одно время исследовали этот процесс для расширения возможностей операторов, но в итоге проект свернули, а сам термин вышел из употребления. Теперь это критический сбой нормального течения резонанса.

— Так понимаю, есть техники для его вызова? — предположил я.

В ответ аспирант только руками развел и улыбнулся. Не стал говорить ни да ни нет.

По мере удаления от Зимска местность начала становиться гористой. Железная дорога то тянулась мимо поросших соснами скалистых косогоров, то пересекала по мостам узкие обмелевшие речушки. Солнце миновало зенит, но все еще припекало, караульные попрятались от него в тени автомобилей, только командир дежурного зенитного расчета маячил с биноклем в руках. Я распахнул обе двери кабины грузовика и развалился на сиденье, свесив ноги и заложив за голову руки.

Собирался подумать о технике двойного вдоха, но размеренный перестук колес очень скоро убаюкал, сам не заметил, как глаза слипаться начали.

Из полудремы вырвали паровозные гудки. Сначала длинный, следом два коротких. И сразу кто-то заорал:

— Воздух!

Я дернулся, свалился с сиденья и буквально выполз из кабины на платформу, завертел головой по сторонам. В небе — никого и ничего, только суетились на платформах зенитчики, спешно занимавшие места согласно боевому распорядку.

Учебная тревога?

И тут с явственным хлопком проявился гул авиационных двигателей, а миг спустя через ближайшую сопку перемахнули три идущих на бреющем полете нихонских штурмовика. Наперез поезду побежали парные дорожки выбиваемых пулями фонтанчиков земли, миг спустя они перечеркнули две платформы и теплушку, а следом над нами с ревом пронеслись вражеские самолеты. Они почти сразу заложили крутой вираж, намереваясь зайти в хвост состава, дабы пройти пулеметами по всей его длине, и безнаказанным столь неосмотрительный маневр не остался. Опалило нервную систему ворохом помех внезапно проявившееся ясновидение, пространство неуловимо исказилось, и одна из крылатых машин превратилась в шар огня, обломки так и разлетелись!

По двум оставшимся штурмовикам ударили зенитные орудия, да еще в безумном темпе затарахтели пулеметные спарки и начали палить из винтовок караульные. Я и сам схватился за автомат, но прежде чем успел прицелиться, самолеты переваляли через сопку, нырнули за нее и скрылись из виду.

Ух... Пронесло...

Ведь пронесло же?

Как впоследствии рассказал Глеб Аспид, каким-то чудом обошлось не только без убитых, но и даже без раненых. Очередью зацепило один из грузовиков, да еще пришлось провести ревизию пострадавших при налете ящиков с боеприпасами, достать и вскрыть поврежденные цинки, перебрать винтовочные патроны из простреленных пачек и пустить нормальные на снаряжение пулеметных лент.

Белый Камень оказался небольшим городком, вид на который открылся сразу, как только состав миновал перевал, разрезавший не столь уж и высокий горный хребет. В центре на-

селенного пункта высились несколько трехэтажных домов, сложенных из красного кирпича, но толком оглядеться не получилось, поскольку состав на полном ходу проследовал мимо вокзала на юго-западную окраину, застроенную длинными двухэтажными бараками — бревенчатыми и на каменных цоколях. Еще там располагались кирпичный завод и ткацкая фабрика, вот в тупик между ними поезд и загнали.

— Разгрузка по второму варианту! — прокричал Вениамин Мельник, когда поезд остановился, и бойцы взвода принялись споро освобождать закрепленный после погрузки на платформы автотранспорт.

Я и понятия не имел ни о каком втором варианте, но это точно был не стандартный съезд по аппарели, вот и справился на сей счет у прапорщика.

— Ох уж мне эти замены в самый последний момент! — горестно вздохнул Глеб Аспид, уперся ладонями в борт грузовика, и автомобиль дрогнул, чуть приподнялся над платформой и принялся смещаться с нее, чтобы затем плавно опуститься на землю.

Я и глазом моргнуть не успел, как снявшие с платформы колесный лафет зенитного орудия бойцы закрепили сцепку, и прозвучала команда:

— Поехали! Ходу!

Вся процедура не заняла и пяти минут, да управились бы и раньше, если б всюду не суетились пехотинцы. Одни куда-то тащили мешки с песком и нагруженные кирпичом носилки, другие оборудовали долговременные огневые позиции, третьи разгружали дрезину с лесом.

Командовал заслоном армейский майор, он сразу приказал убираться с открытого пространства и загонять транспорт в цеха и проезды между ними. Некоторые здания уже оказались заняты: в иных обустроили конюшни, где-то стояли броневики, а в одном разместили пару айлийских двухбашенных танков с автоматическими орудиями, не превосходившими калибром наши зенитки. В ОНКОР таких раритетов и не осталось уже, наверное, — немудрено, что первым делом майор справился о возможности зенитных орудий вести огонь по наземным целям. Утвердительный ответ его немало воодушевил, он вызвал двух капитанов — артиллериста и танкиста, заодно пригласил на собрание Василия Архиповича, а комиссар в свою очередь прихватил с собой Вениамина Мельника.

Оставшийся за старшего прапорщик Аспид велел достать из кузова флягу и отправил двух бойцов на поиски ближайшей колонки — этим его руководящая роль и ограничилась, и я начал прохаживаться туда-сюда. Заглянул в цех, поглазел на броневики и решил, что их пулеметы и автоматические двадцатимиллиметровые пушки окажутся вполне эффективны против джунгарской кавалерии и пехоты. А собственной бронетехникой те, можно сказать, и не располагали вовсе. Что было — все пожгли по весне нихонцы.

Вот только майора явно неспроста интересовало наличие у нас бронебойных снарядов к зенитным орудиям, он определенно опасался появления вражеских танков, и лично меня это обстоятельство нисколько не радовало.

Елки зеленые! Да я попросту места себе не находил!

И ведь это у меня еще какой-никакой опыт боевых действий имеется, а остальным какво?

Впрочем... Вполне возможно, что как раз по причине хоть какого-то опыта меня сейчас и потряхивало. Я ведь прекрасно помнил, как прошлым летом боялся голову от земли приподнять, когда пулеметчик диверсантов огнем прижал. А тут — танки!

Единственное, что действительно радовало, — это метровая толщина кирпичных стен. Отсюда даже с помощью артиллерии нас долго выковыривать придется, а до такого, надеюсь, все же не дойдет.

Вернулись Дичок и Мельник, не сказать, что мрачнее тучи, но и радостью они отнюдь не лучились. Тянуть резину комиссар не стал и сразу перешел к делу, заявив:

— В семи километрах от города выставили заслон отступившие к Белому Камню пограничники. Их усилили взводом пехоты, броневиком, парой ротных минометов и сорокопяткой, от нас туда отправится разведвзвод и одно из зенитных орудий. Задача проста: остановить продвижение противника к Белому Камню, чтобы армейцы успели перебросить подкрепление и резервы для контрнаступления. Поручик Гнет, прапорщик Аспид, подойдите!

Вениамин Мельник нахмурился пуще прежнего и заявил:

— Настаиваю на том, чтобы возглавить отделение!

— Успеешь еще повоевать! — отрезал комиссар. — Ты мне здесь нужен. Все! Закрыли тему! Займись размещением людей.

Корнет точно собирался настоять на своем, но перехватил взгляд собеседника, козырнул и принялся сыпать распоряжениями, распределять зоны ответственности и сектора обстрела. И я несколько даже не удивился, когда ценными указаниями оказались одарены решительно все, кроме командира расчета взятого мной на прицеп зенитного орудия. Нам пришлось расписываться за ознакомление с приказом о временном переводе распоряжение командира одной из пограничных застав особого отдела по Зимску.

— Загружайте в машину тройной боекомплект, — приказал напоследок Мельник старшему вахмистру. — И бронебойных два ящика возьми на всякий случай. Нет, лучше три.

— Будет исполнено, — бесстрастно отозвался командир зенитного расчета, а когда корнет отошел, протянул мне руку. — Юрий.

— Петр, — в свою очередь представился я.

— Давай к складу. Не на себе же ящики таскать.

Я глянул на взятый на жесткую сцепку четырехколесный лафет зенитного орудия, вздохнул и забрался в машину. Как на грех, забарахлил стартер, пришлось крутить заводную ручку. Потом еще и в погрузке снаряженных ящиков поучаствовал, немного упрел даже. Промочил горло, остатки плескавшейся во фляжке воды вылил на голову, отфыркался и, сняв гимнастерку, принялся зашивать оставленную метательной звездой прореху. Все верно: сам себе занятие нашел, лишь бы только бездельем не маяться и о всяком разном нехорошем не думать. Совсем-совсем ни о чем не думать.

Только привел форму в порядок, прикатил вездеход и мотоциклы разведвзвода, следом подошли Глеб Аспид и Вениамин Мельник.

— Готовы? — поинтересовался корнет.

— Так точно! — отозвался командир зенитного расчета.

— Выдвигайтесь тогда, чтобы успеть до темноты на новом месте обустроиться, — сказал Мельник прапорщику, а меня хлопнул по плечу. — Ты гляди, не посрами там военную кафедру!

— Да уж постараюсь.

Аспирант не удержался от тяжелого вздоха.

— Эх, ты-то на переднем крае окажешься, а мне в тылу торчать! Белой завистью завидую! Удачи, Петя!

Я поблагодарил его и забрался в кабину. Первым с территории завода выехал направленный в головной дозор мотоцикл,

следом выдвинулся вездеход, дальше уже и мой черед пришел. Напрямик через город мы не поехали, сразу повернули в сторону предместья, и дорога немедленно пошла под уклон. Белый Камень был выстроен на нескольких холмах, и с учетом постоянного перепада высот передвигаться по нему на неповоротливом грузовике новичку вроде меня было сущим мучением. Того и гляди, притормозить не успеешь и какую-нибудь телегу зацепишь. А еще — люди. Местные жители нескончаемыми вереницами шагали вдоль домов, тащили на закорках малолетних детей, толкали перед собой тележки с пожитками. Только зазевайся — и точно кого-нибудь переедешь.

— И куда они? — поинтересовался я у прапорщика между делом.

— Вроде на вокзале эвакуационный пункт организовали. Сюда подкрепление перекидывают, обратно женщин, детей и стариков везут. Мужиков к работам привлекать собираются, а кого-то уже под ружье поставили, как понял.

Минут через десять мы добрались до окраины, там окапывались пехотинцы, за обочиной мелькнул плакат: «Мины». На развилке двух дорог военный регулировщик поднял красный флажок, призывая остановиться нагруженную мотками колючей проволоки подводу, и позволил нам миновать перекресток в первоочередном порядке.

Автоколонна пересекла поле и втянулась в лес, узкая дорога начала петлять меж поросших высоченными соснами сопки, затем пошла в горку, и движок принялся надсадно порывивать, пришлось даже сбросить скорость. Подлесок был не слишком-то и густым, но даже так обзор оставлял желать лучшего — тут ничего не стоило устроить засаду и расстрелять транспорт с дистанции кинжального огня, враз стало не по себе. Как ни крути, здесь даже головной дозор ситуацию не спасет, вся надежда на спаренный крупнокалиберный пулемет в кузове грузовика, сверхспособности и выучку зачисленных в разведзвод егерей.

Но обошлось без неожиданностей, а минут через десять мы и вовсе выехали к мостку через широкий ручей, где отрывали окопы пятеро пехотинцев.

— Заминировать бы тут все, — заметил я.

Прапорщик указал куда-то в сторону от дороги.

— А вон глянь! Не саперы разве?

Я пригляделся к не замеченной до того телеге и задумчиво хмыкнул.

— Скорее связисты линию тянут. Вон и катушка с проводом у них точно не просто так.

— Может быть, — не стал спорить Глеб, который всю дорогу не выпускал из рук автомат и напряженно вертел головой по сторонам, еще и придерживал ногой дверцу, не позволяя той захлопнуться.

У меня даже возник соблазн полюбопытствовать, откуда его перевели в зенитную роту, но ситуация к беседам на отстраненные темы не располагала, просто сделал зарубку на будущее. А вот разговор о том, что нас ждет в самом ближайшем будущем, откладывать не стал.

— Разрешите спросить? — обратился я к прапорщику.

— Валяй!

— Какая оперативная обстановка вообще? Комиссар что-нибудь рассказал?

Глеб Аспид задумчиво хмыкнул.

— Комиссара послушать, нас развлекательная прогулка ждет. Джунгары — вояки еще те, погранцов на заставах они не столько даже числом задавили, сколько внезапностью взяли. Да и броневиков у них не так много, об артиллерии и вовсе никаких сведений нет. Но вот в небе нихонцы нас вчистую переигрывают, это серьезная проблема. На новых позициях пехота уже окопалась, их оттуда не выбьют, если только с неба утюжить не начнут. Вот для этого нас и привлекли, чтоб не начали! — Прапорщик усмехнулся и легонько пихнул меня в бок. — Да ты не переживай! Сейчас наши в Белом Камне силенок накопят и джунгаров пинками обратно погонят. Кавалерия против бронетехники не пляшет.

Лично мне показалось, что в Белом Камне полным ходом идут приготовления к осаде, но завести об этом разговор не успел. Ехавший перед нами вездеход замедлил ход и остановился перед уложенным поперек дороги бревном, на котором сидел пехотинец с лысыми погонами рядового. Еще два караульных расположились на поваленной вдоль дороги сосне, рядышком лежали трехлинейки.

Молоденький ефрейтор мигом вскочил на ноги, отдал честь и велел подчиненным освободить проезд, оттащив в сторону бревно.

— Господин поручик, сразу за поворотом у взгорка съезд налево будет, не пропустите! — подсказал он. — Там и наш подпоручик, и ваш штабс-ротмистр. Все там!

Взводный кивнул и махнул рукой головному мотоциклу.

— Ходу!

Через полсотни метров мы и в самом деле вывернули к взгорку с вросшими в склон замшелыми валунами. Обустроенных огневых позиций снизу разглядеть не удалось, я заметил лишь сидевшего на плоском камне бойца в форме пограничного корпуса с биноклем в руках. Здесь же в лес уходили две накатанные колеи, отмеченные примятой травой и поломанными папоротниками. Тут и там из земли торчали пеньки срубленных кустов и молодых елок, где-то выворотили из земли и откатали в сторону камни, а местами наскоро засыпали неглубокие овражки, но и так пробирались по проезду медленно-медленно, еще и ветви деревьев то и дело цепляли кабину и борта грузовика.

Немного погодя попалась команда, расчищавшая подлесок, а после того, как импровизированная дорога начала понемногу забирать вверх по склону, я разглядел несколько человек, занятых рытьем окопов. Очевидно, здесь предполагалось поставить заслон на случай, если противник попытается обойти нас с тыла.

Весь подъем на пригорок движок грузовика надсадно рычал, возникло даже опасение, что он вот-вот заглохнет, но обошлось, и минут через пять мы выехали на узкую прогалину среди деревьев. Там были установлены два ротных миномета, чуть в стороне под сенью высоченных сосен лежали штабеля выкрашенных зеленой краской ящиков, на противоположном краю стояла пара палаток, а неподалеку от обложенного камнями родника дымила трубой полевая кухня.

Когда взводный разведчиков и наш прапорщик скрылись в штабной палатке, я не утерпел, зачерпнул из ключа пригоршню воды, умылся и напился.

Уф-ф! Хорошо!

От полевой кухни тянуло ароматом немудреной стряпни, и бойцы начали поглядывать на нее с нескрываемым интересом, но после недолгого разговора с командиром пограничников взводный разведчиков приказал загонять мотоциклы под деревья и отправился распределять по позициям бойцов с ручными пулеметами и противотанковыми ружьями. Егерей-операторов он оставил готовиться к вылазке.

Ну а нам прапорщик Аспид приказал браться за топоры, пилы и лопаты. И если обустройство укрытия для зенитного орудия представлялось мне задачей не слишком сложной даже с учетом необходимости оперативного перемещения лафета на

позицию для стрельбы прямой наводкой по наземным целям, то спрятать грузовик могли помочь разве что складки местности. Почва-то оказалась на редкость каменистой, глубже штыка лопаты начинался чуть ли не сплошной гранит.

Впрочем, имелись у нашего расположения и несомненные достоинства. Начать хотя бы с того, что обустроивались огневые позиции на опушке леса, за которой начинался пусть и не слишком крутой, зато весьма протяженный косогор. По дну расселины среди каменной россыпи подковой изгибалась мелкая речушка, а до стены деревьев на противоположной ее стороне было никак не меньше полукилометра. И все это пространство с нашей господствующей высоты прекрасно просматривалось и простреливалось. Дорога тоже была как на ладони, с учетом артиллерийского орудия, зенитной пушки и пары крупнокалиберных пулеметов по ней было не прорваться даже броневикам.

Единственное, что немного напрягало, — это лес за спиной. Если противник зайдет с тыла, придется лихо. Но поручик не зря егерей разведать округу настропалил, это их хлеб. Мне же предстояло хорошенько поработать лопатой. Для грузовика отыскался небольшой овражек — поначалу пологий, он упирался в скальный уступ и дальше резко отворачивал в сторону. Прапорщик Аспид велел расчистить подъезд от кустов, выровнять склон и выкопать вросшие в него валуны. И то же требовалось проделать со склоном противоположным, дабы грузовик мог подняться из укрытия непосредственно к опушке и вести огонь по наземным целям.

— И никаких сверхспособностей! Ручками копайте! Ручками! — распорядился прапорщик. — Линь, тебя это в первую очередь касается! Не демаскируй нам позицию!

— Так точно! — отозвался я без всякого энтузиазма, поскольку уже начал прикидывать, как бы обустроить позицию, не прибегая к физическому труду.

Для меня и пары пулеметчиков работы тут было вагон и маленькая тележка, ладно хоть вытащить камни помог экипаж броневика. Боевую машину укрыли в подлеске метрах в пятидесяти от нас и замаскировали срубленными кустами, а помимо этого соорудили бруствер из сосновых стволов и гранитных валунов. Не обошлось без дополнительной защиты и у нас, Аспид велел превратить узкую часть овражка в импровизированный блиндаж, накрыв его уложенными поперек бревнами, благо теми снабдили армейцы. Под навес не помещалась даже

кабина, над грузовиком пришлось натянуть маскировочную сеть.

Некоторое время спустя на помощь нам прислали расчет зенитного орудия, и дело пошло веселее, но и так провозились с обустройством укрытия до позднего вечера.

— Блиндаж — это хорошо, но там вас всех разом накрыть могут! — обрадовал нас Глеб Аспид, до того работавший наравне с подчиненными. — Ройте щели! В них только прямым попаданием достанут, осколки выше пройдут.

Пришлось выискивать не слишком каменистые участки и вгрызаться в землю ломами и лопатами. Работали тройками, сменяя друг друга, но ни одно из двух индивидуальных укрытий к наступлению темноты до ума довести не успели. А там прапорщик скомандовал отбой и позвал всех ужинать. Нам выдали успешную остыть перловку и подогретый на костре травяной чай, и хоть вымотался я до невозможности, смолотил свою порцию в пять секунд, а потом уже без всякой спешки вприкуску с куском сахара пил настой лесных трав.

Ладони я не стер в кровь исключительно из-за шоферских краг, и даже так без мозолей не обошлось, а уж с ними никакая сверхэнергия помочь не могла, оставалось лишь ждать, пока не сойдут сами. Но процесс регенерации подстегнуть я все же не преминул, поскольку помимо всего прочего нещадно ломило спину, и отваливались руки. Вот и откинулся спиной на ствол высоченной сосны, успокоил дыхание, погрузился в медитацию, концентрируя в нужных местах внутреннюю энергию и волнами прогоняя ее по организму.

Чертовски мешало расслабиться и очистить сознание вившееся вокруг комарье, невольно подумалось, что все эти созерцательные техники хороши исключительно среди цивилизации в обустроенных залах с горячей водой в душевых и пивом в буфете. А вот как их практиковать отшельникам на лоне природы — большой вопрос. Попробуй достичь просветления, когда тебя поедом едят!

Прапорщик начал распределять дежурства, в обязательном порядке ставя в каждую смену хотя бы одного оператора, и мне пришлось отвлечься от медитации, да еще вышли на полянку пропадавшие весь день в лесу егеря. Получив миску с кашей, Никита Алтын уселся рядом и положил на землю автомат. Мне даже его спрашивать ни о чем не пришлось, сам сказал:

— Передовой отряд джунгар в десяти верстах от нас. На пути у них взорванный мост, но к утру они точно сюда выйдут.

— Много их?

— Кто знает?

Егерь пожал плечами и принялся за обе щеки уминать перловку. Я отвлекать его расспросами повременил, и лишь когда миска опустела, поинтересовался:

— Как думаешь, не обойдут нас по лесу?

Вопрос оставил Никиту совершенно равнодушным.

— Могут, — спокойно произнес он. — Но с тылу пограничники уже окопались и подлесок проредили. Там все с автоматическим оружием и гранат в достатке. Отобьются, если что. Задержат до прихода подкрепления так уж точно.

Подкрепление! Я едва удержался от презрительной гримасы. Если пограничники показались мне тертыми калачами, то приданный им в усиление пехотный взвод представлял собой сборище вчерашних новобранцев, которыми просто заткнули образовавшуюся дыру. И это заставляло задуматься, не отнесли ли вдруг в разряд пушечного мяса и нас самих.

Думать так было... неприятно.

Долго засиживаться у костра я не стал, спустился к загнанному в овражек грузовику, в кузове которого уже посапывали бойцы из расчета крупнокалиберного пулемета, и забрался в кабину. Спать!

Мелькнула разве что мысль войти в резонанс, дабы набрать потенциал в противофазе, но делать этого не стал. Не из лени, просто побоялся, что в случае ночного нападения окажусь не в состоянии в полной мере задействовать сверхспособности, и решил не рисковать. Повышенная чувствительность к энергетическим аномалиям, конечно, дорогого стоит, да только во сне мне от нее ни холодно ни жарко.

Вот сейчас закрою глаза и всерьез задряхну почти до утра. Мое дежурство на рассвете, а до того если только по тревоге поднимут.

Не хотелось бы...

ГЛАВА 2

Снилось... Да ерунда всякая снилась, если разобраться. Куда-то шел, с кем-то спорил, что-то кому-то доказывал. Вроде бы с Лией общался, хотя, может, и со Львом или Аркашей, а то и вовсе с Ингой, но если и с ней, то определенно без всякого

эротического подтекста — после пробуждения все как-то сразу смешалось и смазлось, выветрилось из головы. Неуловимо сгнуло, словно утренний туман после восхода солнца, стоило только растолкать меня сослуживцам, когда подошло время дежурства.

Туман, к слову, был не только в моем сне, присутствовал он и в реальности. Сгустился в низинке, затопил все там своей непрозрачной молочной пеленой. Впрочем, ясновидению он помехой стать не мог, вот на сверхспособностях я и решил сосредоточиться. Первым делом умылся, зачерпнув в ведре пригоршню воды, и сбегал к обустроенному сослуживцами отхожему месту, затем узнал от разводящего связку пароль—отзыв, а после не стал торчать на всеобщем обозрении, изображая из себя мишень, уселся на вытасненный из кабины грузовика вещмешок, откинулся спиной на шершавый ствол.

Ночью заметно похолодало, но прорезиненная куртка не промокала и не продувалась ветром, замерзнуть — не замерз. Восполнил убыль внутреннего потенциала и погрузился в легкий транс. Войти в нужное состояние с открытыми глазами оказалось не так-то и просто, но тут ничего не попишешь — стою на посту на самом что ни есть переднем крае. Пусть егеря уже куда-то умотали, да только лес большой, всех вражеских разведчиков им никак не перехватить.

Эх! Сюда бы зоопата!

А лучше сразу танковую роту — мечтать так мечтать!

Я вздохнул и принялся отслеживать состояние энергетического фона, активных техник не задействовал, а потому контролировал не столь уж и большую зону, зато и сам не создавал дополнительных помех. Очень уж не хотелось выдать свое местонахождение, ежели вдруг поблизости окажется вражеский оператор. Вскроюсь и точно первоочередной целью сделаюсь...

Туман понемногу редел, стекал по склону расселины, скапливался над бежавшей меж камней речушкой, которая огибала нашу высоту, создавая дополнительную линию обороны. Вскоре в молочной пелене начала проглядываться серая лента дороги, и я слегка ослабил концентрацию, помассировал виски.

Вновь вспомнился рассказ Вениамина о технике двойного вдоха, вот и задумался о том, каким образом мог бы ее реализовать. Ясно и понятно, что правильной не заниматься само-

деятельностью, а получить доступ к соответствующей методичке, да только между мной и библиотекой РИИФС пятьсот верст и целая пропасть времени. Когда еще туда попаду? А раз принцип понятен, почему бы и не получить требуемый результат экспериментальным путем?

Имелась у меня одна идейка касательно этой техники, и поскольку откладывать ее проверку на будущее не хотелось, я рассеял в пространстве малую толику внутреннего потенциала, а затем попытался притянуть ее обратно. Что-то даже получилось, только коэффициент полезного действия, несмотря на предельную сосредоточенность, оказался чрезвычайно низок. И что самое печальное — ничем иным параллельно этому процессу заниматься я был попросту не способен.

Впрочем, подсказка заключалась уже в самом названии техники, вот я и принялся подгонять воздействие на выбрасываемую из себя вовне сверхсилу под ритм дыхания. Провозился с полчаса, и вроде бы даже что-то начало получаться, не удалось самого главного — перевести контроль на подсознательный уровень. Так-то все просто: на выдохе выплеснуть из себя энергию, а на вдохе притянуть ее обратно, не позволяя рассеяться, ан нет — не выходит каменный цветок. Едва не задохнулся даже.

Просто дышал какое-то время, прилагая к тому осознанные усилия, вот и перехватил контроль над этой функцией организма у бессознательного. А как отвлекся, так и осознал вдруг, что больше не дышу. Пришлось погружаться в медитацию.

Пропустить вражеских лазутчиков я нисколько не опасался, да и лагерь понемногу просыпался, тут и там сновали бойцы, потянуло дымком с полянки, где стояла полевая кухня, начали стучать о каменистую почву лопаты.

Мое дежурство уже подошло к концу, когда от леса на другой стороне расщелины донесся отзвук приглушенного деревьями и расстоянием взрыва. Следом там разгорелась ожесточенная перестрелка, и к небу начал подниматься столб черного дыма, а после небольшой паузы захлопали наши минометы, принялись отправлять джунгарам свои смертоносные гостинцы.

К этому времени я уже скатился в овражек-блиндаж и забрался в кабину грузовика, но стрельба мало-помалу стихла, а из леса так никто и не появился.

— Похоже, егеря тарарам устроили, — сказал круглолицый унтер, числившийся наводчиком крупнокалиберного пулемета, после достал кисет и принялся сворачивать самокрутку.

Звали его Варламом, а второй номер откликнулся на Пулю — фамилия это или прозвище, я справляться не стал.

— Похоже на то, — кивнул я. — Кормить-то нас будут сегодня?

— Сейчас принесут.

И точно — не забыли, выдали по порции пшенки и два ломтя свежего белого хлеба каждому. Не завтрак в студенческой столовой, конечно, но на природе аппетит разыгрывается волчий. Опять же — сейчас брюхо не набьешь и неизвестно, когда следующий раз покормят. Как бы не пришлось выданные в дорогу сухари в воде размачивать.

Мы еще толком поесть не успели, когда от окопа к окопу полетела команда готовиться к бою.

— Без команды не стрелять! — дополнительно передавалось от бойца к бойцу. — Не высовываться!

Унтер-офицер и ефрейтор поспешно спустились в овражек к грузовику, а я перебрался к настилу блиндажа, улегся рядом и посильнее опустил на лицо козырек кепи. На дорогу из леса выехал конный разъезд джунгар. Лошадки были низкорослыми, но бежали ходко, тройка кавалеристов споро достигла низа лощины и переправилась через речушку по автомобильному мосту, сразу за которым дорога начинала забираться в сторону, огибая кручу с запада.

Один из дозорных время от времени оглядывал окрестности в бинокль, должно быть, именно он и заметил что-то подозрительное. Кавалеристы вмиг развернулись и во всю прыть поскакали обратно, вдогонку защелкали винтовочные выстрелы. Одна лошадка споткнулась и кувыркнулась через голову, на спине другой безвольно обмяк поймавший спиной пулю кавалерист, и тогда, помимо снайперов, по последнему из беглецов начали палить все кому не лень. Даже пулемет с фланга, где расположились пехотинцы, длинной очередью протарахтел.

И снова заорали:

— Не стрелять! Без команды не стрелять! — Но было уже поздно. Едва ли головной дозор состоял всего лишь из трех человек, а значит, разведчики противника получили определенное представление о расположении наших позиций.

И вот что теперь они станут делать?

Я полежал еще немного, потом отполз от опушки и вернулся к бревнышку. Только взял миску, и предчувствием недоброго резануло нервы ясновидение, а миг спустя посреди чистого неба ниоткуда возникло звено нихонских штурмовиков!

Выйдя на дистанцию кинжального огня, вражеские операторы перестали удерживать оптические иллюзии и звуковые экраны, вот самолеты с красными кругами на крыльях и проявились одновременно во всей своей смертоносной стремительности. Высота — метров сто, даже головы пилотов за стеклянными фонарями кабин видны!

По ушам ударил гул авиационных двигателей, кто-то крикнул:

— Возду... — Но окончание предупреждения уже потерялось в треске пулеметов и вое авиабомб.

Сбегая в овражек, я споткнулся и кувыркнулся через плечо, вскочил и сиганул под накат блиндажа. Тут же загрохотали взрывы, задрожала под ногами земля. Унтер с ефрейтором, наплевав на опасность словить осколок или пулю, забрались в кузов, но самолеты уже промчались над пригорком, унеслись дальше, скрылись из виду за деревьями.

По штурмовикам и выстрелить никто не успел, а вот они прошли по опушке шестью пулеметами, еще и отбомбились — к счастью, не слишком точно. Воронками оказался испещрен преимущественно косогор, в непосредственной близости от наших позиций легло не так уж много смертоносных гостинцев с неба, да еще какая-то их часть рванула дальше в лесу.

И даже так кого-то зацепило, мимо овражка пробежали бойцы с носилками. Они унесли раненого к госпитальной палатке и снова вернулись на опушку, но на этот раз уже без всякой спешки. И так же неспешно потащили в лес безжизненное тело.

Варлам дрожащими руками принялся сворачивать самокрутку, но табак все просыпался и просыпался. Пуля не выдержал и вытянул из кармана мятую коробку папирос, сунул одну наводчику, и они закурили. Меня и самого потряхивало — очень уж внезапно все произошло. И что самое поганое — даже непонятно, как на такую тактику реагировать!

Прибежал прапорщик, спустился в овражек и с облегчением перевел дух.

— Все целы? Вот и хорошо.

— Остальные как? — поинтересовался я.

— В разведзвезде пулеметчика контузило, а так обошлось, — сообщил Глеб Аспид. — Слушайте сюда: до особого распоряжения работать будете исключительно по воздушным целям. Линь, из оврага не подниматься. Ясно?

— Так точно!

Варлам сплюнул попавшие на язык табачные крошки и с досадой спросил:

— Да как тут работать-то? Нихонцев до последнего видно не было! Мы даже прицелиться не успели!

Прапорщик встопорщил в недоброй улыбке свои песочного цвета усы.

— На этот счет не переживай. Примем меры. Я с вами останусь, дам отмашку.

Заявление это ничего особо не прояснило, но раз уж выкапывать грузовик из овражка не требовалось, я вооружился лопатой и принялся откапывать не доведенную вчера до ума щель. Моментально разогрелся и упрел, снял куртку и кинул ее в кабину.

— Это дело, — похвалил меня прапорщик. — Пуля, ты тоже давай, не филонь! Копай! За пулеметом и Варлам постоять может.

Ефрейтор последний раз затынулся и выкинул окурочок, после прыгнул из кузова и нехотя взялся за лопату. Сам Аспид уселся на бревнышке и вытянул ноги, но полагать его показную расслабленность праздным ничегонедельем было бы ошибкой. Прапорщик работал со сверхэнергией, создаваемую им энергетическую аномалию я ощущал предельно четко. Фоновые искажения беспрестанно меняли свою интенсивность, словно шла какая-то непонятная подстройка. А затем по пространству пробежалась волна едва уловимых помех, следом еще одна и еще. Активный поиск разгонял по округе сверхэнергию с размеренностью биения сердца, и совершенно точно осуществлял эти воздействия не Аспид, он лишь неким образом синхронизировался с ними, дабы получить доступ к оценке производимого эффекта.

Я воткнул лопату в землю, навалился на нее и вытер со лба пот, заодно попытался определить источник странных искажений. По всему выходило, что он близок к позиции зенитного орудия, не иначе задействовал свои способности командир его расчета. Сразу как-то от сердца отлегло. Пусть даже дальность обнаружения вражеских операторов и не была слишком

высока, но хоть не лопухнемся, как в прошлый раз, будет время заградительный огонь открыть. Ну а пока — копать.

Мы с Пулей решили не распылять силы и взялись совместно углублять одну щель, попеременно орудя то ломом, то лопатой. Присутствие прапорщика не позволяло филонить, и очень скоро я втянулся в размеренный ритм земляных работ, в первый миг даже не отреагировал на донесшийся из леса крик:

— Воздух!

И тут же вскочил на ноги Аспид.

— Варлам, не спать! На десять часов, угол сорок градусов! Твой крайний левый! Жди! — крикнул прапорщик и начал обратный отсчет: — Три! Два!..

Ефрейтор Пуля тут же бросил лопату и полез в кузов грузовика, а я от греха подальше спрыгнул в щель и присел там, укрываясь от возможного обстрела.

— Один! — Крик Аспида совпал с разрушением оптической и акустической иллюзий, прикрывавшей до того звено несшихся к земле нихонских штурмовиков, а крик «Огонь!» потонул в грохоте крупнокалиберного пулемета.

Варлам всадил очередь в брюхо своей цели, но лишь издырявил обшивку — ни сбить, ни поджечь самолет не вышло, а вот осколочные снаряды зенитного орудия оказались куда более эффективными — первый из штурмовиков завалился и попытался набрать высоту, скрылся из виду, оставляя за собой дымный след, и почти сразу от мощного взрыва дрогнула под ногами земля. По третьему самолету открыл огонь спаренный пулемет вездехода, но тот промчался над нами так стремительно, что попаданий я попросту не отметил.

Следом начали рваться авиабомбы, а только смолк грохот взрывов, как через звон в ушах пробился визг пронесшейся над опушкой мины. В лесу грохнуло, застучали по сосновым стволам осколки. Прапорщик заорал:

— В укрытие! — И сам без промедления юркнул под бревенчатый настил.

Я колебался недолго, выскочил из не доведенной до ума щели и бросился вслед за спрыгнувшим из кузова пулеметным расчетом, скатился в овраг, и где-то совсем рядом рвануло, на меня посыпались комья земли. Помимо минометов бить по нашим позициям начала и вражеская артиллерия, от беспрестанного грохота взрывов хотелось схватить лопату и начать закапываться в землю, звон в ушах сменился гулом в голове,

и я создал защиту от ударных волн на случай, если в овражек залетит снаряд или мина. Моей невеликой мощности вполне хватало на то, чтобы удерживать зону разреженного воздуха и линзу повышенного давления, еще бы и сверхсилу вихрем закрутил, дабы иметь возможность гасить скорость осколков, но побоялся демаскировать нашу позицию. Если с той стороны среди корректировщиков огня присутствуют операторы, источник столь интенсивных помех они никак не пропустят.

Овражек перекрыл кинетическим экраном прапорщик Аспид. Поначалу он ничего такого делать не собирался, но когда снаряд лег так близко, что в щели меж бревнами посыпались струйки набросанной сверху земли, то не преминул озаботиться дополнительной защитой. И вовремя: почти сразу осколки с воем прошли над настилом блиндажа, а могли бы и к нам залететь.

Меня от одной мысли об этом так и передернуло. Скорчился бы, закрыл глаза и зажал ладонями уши, да приходилось размеренно перекачивать через себя сверхсилу, работая на предельной мощности, вот и совладал с приступом паники, сохранил самообладание.

— Это артподготовка, сейчас полезут, — предупредил нас прапорщик.

Варлам встрепенулся и неуверенно склонил голову набок.

— Летят! — заявил он. — Точно летят!

Лично я в беспрестанном грохоте разрывов даже собственных мыслей не слышал, а вот унтер-офицера ринулся к зенитному пулемету, но тут же юркнул обратно под настил и крикнул:

— Наши! Наши летят!

И точно — это пожаловал республиканский военно-воздушный флот. Два звена истребителей сопровождали десяток тяжелых бомбардировщиков, пара их отбомбилась по лесу на той стороне расселины и сразу легла на обратный курс. Судя по начавшим подниматься к небу черным дымам, под удар попала ожидавшаяся окончания артподготовки техника противника.

Интенсивность обстрела моментально пошла на убыль, а немного погода и вовсе наступила тишина, стали слышны отдаленные разрывы авиабомб — не иначе досталось устроившей нам веселую жизнь артиллерийской батарее.

Аспид пробрался в дальний конец овражка, распластался там за гранитным валуном и приник к биноклю.

— Линь! — позвал он меня.

— Да, господин прапорщик?

— Окопчик здесь лежащий отрой, — приказал командир. — Да брось ты лопату! Не сейчас! Сейчас полезут!

Я схватил автомат и ползком подобрался к нему в надежде, что прапорщик заблуждается и авианалет позволил нам выгадать дополнительное время на подготовку, но куда там! Почти сразу вновь засвистели мины, а из леса начали выбегать вражеские пехотинцы. Они рассыпались цепью и рванули к речушке, следом на дорогу вылетел отряд в четыре десятка кавалеристов — эти устремились к мосту. И сразу на той стороне загрохотали пулеметы, принялись давить огнем наших стрелков. Тяжелые винтовочные пули выбивали фонтанчики земли и песка, рикошетили от камней, свистели над головами, с глухим стуком заседали в сосновых стволах. Я подтянул к себе за ремень автомат, но прапорщик Аспид уже принялся отползать назад, заодно потянул за собой и меня.

— Не трать патроны, — посоветовал он. — Это разведка боем.

Я рискнул задержаться и увидел, как из леса на дорогу выкатились два броневика. Стволы установленных в их башенках пулеметов начали посверкивать дульными вспышками, но одна боевая машина тут же наехала на мину, подскочила и замерла в перекошенном состоянии, лишившись переднего левого колеса, а вторая задымила и начала медленно-медленно сдавать назад.

Как видно, ее достали из противотанковых ружей бойцы разведвзвода, а вот наше единственное артиллерийское орудие упорно молчало, но ему, пожалуй, и не нашлось бы достойной цели. Отряд кавалеристов рассеяли и обратили в бегство шквальным огнем пулеметов, пехотинцы сначала залегли, потом и вовсе начали отступать, теряя под обстрелом человека за человеком, а лишившийся колеса броневик накрыло прямым попаданием из миномета. Только листы железа во все стороны полетели!

Дальше мины начали рваться на опушке, но противник продолжал поддерживать огнем отступающих. Второй броневик заполз под прикрытие деревьев, там его добила из крупнокалиберного пулемета нашей собственной боевой машины. Зажигательные патроны сделали свое дело — сначала повалил густой черный дым, немного погодя начал рваться боекомплект.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. КОНФРОНТАЦИЯ	5
Часть вторая. АКЦИЯ	140